

ГОДЪ
Сороковой

ЛИТОВСКИЯ

8 Сентября 1902 года.
ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

№ 36.

ВѢДОМОСТИ.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. за прошедшіе годы по 5 коп., а за 1897, 1898, 1899 г., 1900 и 1901 г. по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.
” два раза 15 ”
” три раза 20 ”

СОДЕРЖАНІЕ № 36.

Слова Государя Императора къ курскому дворянству. Правительственныя распоряженія. Мѣстные извѣстія. Преподаніе Архиепископскаго благословенія. Кража. Вакансіи. Неофициальный отдѣлъ. Слово въ день празднованія Перенесенія мощей святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго Церковный приходъ въ Россіи. Новое христіанство безъ Христа.

Слова Государя Императора къ курскому дворянству.

„Я радъ видѣть представителей сословія, постоянно пользовавшагося благоволеніемъ своихъ Монарховъ за вѣрную самоотверженную службу Престолу. Незабвенный Отецъ Мой, довершая славныя дѣла Моего Дѣда, призвалъ васъ къ руководству крестьянскимъ управленіемъ. На этомъ поприщѣ вы служите Мнѣ не за страхъ, а за совѣсть. Благодарю васъ за службу. Я знаю, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія. Дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время, есть неурюстройства и въ крестьянскомъ. Для устраненія послѣднихъ по Моему повелѣнію соображаются необходимыя мѣры. Къ участию въ этихъ трудахъ будутъ призваны губернскіе комитеты съ участіемъ дворянства и земства. Что касается помѣстнаго землевладѣнія, которое со-

ставляетъ исконный олотъ порядка и нравственной силы Россіи, то это укрѣпленіе будетъ Моею непрестанною заботою“.

Восторженные клики покрыли слова Монарха.

— По повелѣнію Его Императорскаго Величества, 1-го сего сентября, въ день посѣщенія Государемъ Императоромъ города Курска, въ губернаторскомъ домѣ были собраны нѣкоторые волостные старшины и сельскіе старосты губерній: Курской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Орловской и Воронежской. Его Императорское Величество изволилъ обратиться къ нимъ со слѣдующими словами:

„Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія экономіи. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство сумѣетъ, Я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ безпорядковъ. Напоминаю вамъ слова покойнаго Моего Батюшки, сказанныя Имъ въ Москвѣ волостнымъ старшинамъ въ дни Священнаго Вѣнчанія на Царство: „Слушайте вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ“. Помните, что богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божиимъ. Передайте въ точности все, что Я вамъ сказала, вашимъ односельчанамъ, а также и то, что дѣйствительныя ихъ нужды Я не оставлю Своимъ попеченіемъ“.

Правительственныя распоряженія.

Въ православномъ русскомъ народѣ съ глубо-

кимъ благоговѣніемъ чтится память скончавшагося 2-го января 1833 года подвижника Саровской пустыни іеромонаха Серафима. Къ мѣсту иноческихъ подвиговъ его и вѣчнаго упокоенія непрестанно во множествѣ стекаются изъ разныхъ мѣстъ Россіи богомольцы, прося предстательства и молитвъ его предъ Господомъ и, по вѣрѣ своей, получая или исцѣленіе отъ болѣзней, или чудесную помощь въ нуждахъ житейскихъ. Болѣе ста случаевъ благодатной помощи по молитвамъ сердца Серафима внесено уже, по бывшимъ съ 1895 года предписаніямъ Святѣйшаго Синода, въ особыя, ведущіяся при Саровской обители, записи. Вѣру народную въ святость старца Серафима и его предстательство предъ Богомъ за притекающихъ къ нему съ молитвою раздѣляетъ и Вѣнецносный Вождь русскаго народа Благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай Александровичъ. Нынѣ, въ день рожденія старца Серафима 19 іюня, Его Величеству благоугодно было воспоминуть и молитвенные подвиги почившаго и всенародное къ памяти его усердіе, и выразить желаніе, дабы дѣдено было до конца начатое уже въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣло о прославленіи благоговѣйнаго старца. Святѣйшій Синодъ призналъ нынѣ благовременнымъ приступить къ потребнымъ для сего распоряженіямъ, каковыя употреблялись прежде сего въ подобныхъ случаяхъ.

Мѣстныя извѣстія.

— Преподано Архипастырское благословеніе за пожертвованія въ новоостроющійся въ г. Вильнѣ, въ мѣстности Звѣринець, храмъ Божій: а) московскому купцу И. Т. Чижову и женѣ его Вѣрѣ Аѳанасьевой, пожертвовавшимъ на престольное евангеліе въ бронзовой оправѣ и священническое облаченіе цѣною 60 руб.; б) московскому купцу П. Журину пожертвовавшему бронзовый на престольный крестъ цѣною въ 10 руб.; в) Владимиру Иванову, пожертвовавшему плащаницу, священническое облаченіе и парчу цѣною въ 140 руб.; г) инженеръ-технику И. В. Васильеву, пожертвовавшему деньгами 25 руб. и д) Варварѣ Васильевнѣ Шуманъ, пож. 25 руб.

— Кража. Въ ночь на 25-е августа неизвѣстный злоумышленникъ, проникнувъ во время вечерняго богослуженія въ калориферы въ притворѣ Свенцянской церкви и оттуда внутрь оной, по взломѣ кружекъ и замка свѣчнаго ящика, похитилъ изъ оныхъ до 75 рублей; затѣмъ выбрался изъ церкви черезъ колокольню, спустившись оттуда по веревкамъ.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ —

Дисненскаго — с. Залъсь (9).
— с. Лужкахъ (2).

Вилейскаго — с. Габахъ (5).
— с. Камень-Спасскъ (4).
— с. Рабуви (3).
— с. Ситцахъ (3).
Лидскаго — с. Турейскъ (2).

Б) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ —

Свенцянскаго — въ с. Желядзи (5).

Неоффиціальныи отдѣлъ.

Слово въ день празднованія перенесенія мощей святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго (30 августа).

„Приидите вси росіейстии сыны, восхваляйте добраго начальника, властимудраго строителя, воина — доблестнаго воина, любители православія — твердаго исповѣдника вѣры, изволеніемъ мученика“ (канонъ св. Александру Невскому).

Такъ ублажаетъ въ своихъ пѣснопѣвнѣхъ Св. Церковь святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, воспоминала славное событіе перенесенія его честныхъ мощей въ г. С.-Петербургъ.

Святый князь Александръ Невскій былъ прежде всего добрымъ начальникомъ. Въ трудное время пораженія земли русской татарами онъ внушалъ своимъ подданнымъ терпѣніе; видя въ этомъ бѣдствіи наказаніе за грѣхи, онъ призывалъ свой народъ къ покаянію. Заботясь о томъ, чтобы предохранить опустошенную татарами страну отъ новаго опустошенія, онъ часто ѣздилъ въ татарскую орду. Какъ мудрый правитель, святый князь Александръ Невскій старался объединить раздѣленную на удѣлы Русь, старался примирить враждовавшихъ князей; лѣтописцы отмѣчаютъ, что былъ миръ въ княженіе св. Александра въ землѣ русской. Неудивительно послѣ этого, что послѣ кончины святаго князя, когда вѣсть объ этомъ пришла во Владиміръ, митрополитъ Кириллъ, совершавшій въ то время богослуженіе, обратился къ народу со словами: „Чада моя милая! знайте, что закатилось солнце земли русской... и бысть плачь велій и кричаніе и туча, якоже нѣсть такова была“. Извѣстно также доблестное и непобѣдимое мужество святаго князя Александра: еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ отразилъ отъ русскихъ предѣловъ нѣмцевъ, побѣдилъ шведовъ. Но въ святомъ князѣ мы прежде всего видимъ воина — христіанина, который не столько полагается на силу своего оружія,

сколько на помощь Божию. Когда святому князю Александру Невскому сообщили, что противъ него идетъ большое войско шведовъ и нѣмцевъ, онъ на колѣняхъ молился: „Боже праведный, Боже великій и крѣпкій, Боже превѣчный, сотворившій небо и землю и поставившій предѣлы языкомъ и жити повелѣвшій, не преступая въ чужія части: суди, Боже, обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною; прими оружіе и щить, востани въ помощь мою!“ Своей малочисленной дружинѣ св. Александръ сказалъ: „Нашъ немного, а врагъ—силенъ. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ“. Благочестіе и ревность по св. вѣрѣ православной особенно отличали св. князя Александра. Благочестивый князь видѣлъ въ своей вѣрѣ православной единственный залогъ спасенія Руси, раздробленной на удѣлы и тѣснимой врагами,—и ни угрозы, ни ласки, ни льстивыя обѣщанія послѣвъ римскаго папы, предлагавшихъ латинство и подчиненіе папѣ, не могли склонить его къ измѣнѣ православію. „Ни огонь, ни вода, ни мечъ и никакая сила не принудятъ меня отступить отъ ученія православной церкви,“—эти достопамятныя слова произнесъ онъ противъ обольщеній запада. Съ другой стороны, св. Александръ Невскій твердо убѣжденъ былъ, что св. вѣра есть единственный залогъ жизни вѣчной, для которой онъ и подвизался на землѣ ко благу вѣрннаго ему Богомъ народа. Онъ рѣшился лучше умереть въ ордѣ, чѣмъ совершить языческой обрядъ: „огню и идоламъ поклоняться не буду: я христіанинъ, и лучше приму смерть, чѣмъ отвергнусь вѣры предъ людьми“.

Приведенныя сейчасъ черты изъ житія св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго отличаютъ, братіе, до нѣкоторой степени, и величавый образъ славнаго русскаго монарха, въ Бозѣ почившаго Государя Александра III-го, который былъ одушевленъ св. Александра, небснаго своего защитника и покровителя. Нѣкогда святой благовѣрный князь Александръ Невскій не щадилъ жизни своей для блага и умиротворенія русской земли: въ Бозѣ почившій монархъ не только землѣ русской, но всему міру даровалъ миръ, внеся правду въ международную политику, а поэтому и получилъ онъ невстрѣчающееся въ исторіи народовъ имя „царя миротворца“. *„Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся“* (Ев. отъ Матѣ. 11, 9). Хотя покойный Государь въ свое царствованіе не отражалъ силою оружія враговъ земли русской, подобно св. князю Александру Невскому, но всюду угрозамъ враговъ противопоставлялъ великую силу православную и мощи православно-русской монархіи; для этой силы не были страшны никакія козни враговъ. Подобно святому Александру Невскому, и въ Бозѣ почившій императоръ Александръ III-й охранялъ цѣлость и

крѣпость государства русскаго: въ его царствованіе не было и не могло быть и рѣчи о поблажкахъ какими-либо стремленіямъ сепаратизма. Прежде всего „Россия для русскихъ“—вотъ основной принципъ неизмѣнно твердой политики почившаго Государя, поэтому то въ его царствованіе было отведено надлежащее мѣсто и дано развитіе въ истинно-русскомъ направленіи всѣмъ историческимъ и національнымъ основамъ русскаго государства. Св. православная вѣра и церковь нашли въ немъ всю душою преданнаго имъ покровителя и защитника. Носи въ себѣ душу народную, покойный Государь создалъ для народа церковно-приходскую школу, поручивъ начальное народное образованіе православному духовенству, и народъ русскій возрадовался, увидавъ учителями своихъ дѣтей отцовъ духовныхъ, первыхъ своихъ просвѣтителей. Не былъ забытъ покойнымъ монархомъ и нашъ западный край: православіе, русская народность и православно-русскія учрежденія въ краѣ возродились, заняли подобающее имъ мѣсто и достигли небывалаго еще въ краѣ развитія и процвѣтанія. Но благодѣтельная для Россіи и для нашего края жизнь великаго монарха прекратилась въ цвѣтѣ лѣтъ.... Когда закатилось солнце земли русской, совершилось безиримѣрное въ исторіи событіе, какъ около гробницы почившаго Императора „всѣ народы, распри позабывъ, въ одну семью слились“. Желая увѣковѣчить великія заслуги Царя-Миротворца въ особенности для нашего края, строители соорудили для молитвеннаго воспоминанія о почившемъ монархѣ св. храмъ сей въ честь и память св. князя Александра Невскаго и при немъ церковно-приходскую школу.

Назидательны для насъ, братіе, житіе и подвиги св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, небснаго покровителя и защитника земли русской. Поучительна также для насъ и жизнь въ Бозѣ почившаго Императора Александра III-го, достойнаго жизни всегда въ памяти отечества и русскаго народа. Будемъ же и мы, братіе, крѣпко стоять за землю и народность русскую, за св. вѣру православную, не смущаясь тѣмъ, что мы иногда составляемъ меньшинство среди преобладающаго числа иновѣрцевъ: „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“. Ревность о православіи—это прямой, естественный и неизбѣжный плодъ нашей вѣры въ православіе, нашей любви къ самимъ себѣ и ближнимъ, нашей любви къ Богу. Если мы любимъ самихъ себя и ближнихъ по-христіански, если мы не сомнѣваемся, что прямой путь къ вѣчному спасенію указываетъ людямъ только православная вѣра, то какъ намъ не стараться всѣми мѣрами, чтобы оно болѣе и болѣе распространялось между людьми и усваивалось ими. Если мы любимъ Бога, какъ учитъ насъ св. Евангеліе, *„всѣмъ сердцемъ и*

всею душою“; если мы убѣждены, что правильному богопознанію и совершеннѣйшему прославленію имени Божія учить людей только православная вѣра: то естественно ли намъ не желать всѣмъ сердцемъ, да распространяется свѣтъ православія, а съ нимъ свѣтъ славы Божіей по лицу всей земли, между всѣми народами? Быть православнымъ, дорожить своей вѣрой и не ревновать о православіи—невозможно. А если мы, считаясь православными, показываемъ холодность къ своему исповѣданію и безразличіе въ дѣлахъ вѣры, то это несомнѣнный знакъ, что или нѣтъ въ насъ живой и твердой вѣры въ достоинство православія, или нѣтъ въ насъ живой и пламенной любви къ Богу и ближнимъ.

Но, братіе, не всякая ревность о вѣрѣ—ревность истинная. Ревность о св. вѣрѣ православной должна быть—ревностью разумною, просвѣщенною, а не слѣпою, не фанатическою: она знаетъ духъ православія и какъ надобно дѣйствовать сообразно съ этимъ духомъ, чтобы не оскорбить, не унижить его. Ревность эта—ревность чистая, искренняя, непритворная, не своекорыстная, не фарисейская. Она имѣетъ въ виду одно—славу Божію, спасеніе человѣческихъ душъ, торжество православія, а не личныя выгоды человѣка, не его честь и славу. Какъ ни пламенно желаетъ такая ревность успѣховъ православію, но для этихъ успѣховъ употребляетъ всегда должныя мѣры кротости, убѣжденія, любви и никогда не допускаетъ насилія и преслѣдованій.

Итакъ, братіе, да поможетъ намъ Господь, молитвами св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, защитника земли русской и поборника св. вѣры православной,—пробывать всегда неизмѣнно твердыми въ православіи, и, въ случаѣ нужды, потрудиться, по мѣрѣ нашихъ силъ и возможности, въ святомъ дѣлѣ огражденія и утвержденія во всемъ здѣшнемъ краѣ св. православной вѣры. А величавый образъ великаго душой монарха да послужитъ намъ руководящимъ Свѣточемъ въ семъ дѣлѣ. Аминь.

Священникъ *М. Пашкевичъ*.

Церковный приходъ въ Россіи.

(А. Папковъ. *Необходимость обновленія православнаго церковно-общественнаго строя*. Спб. 1902, ц. 40 в.)

Безжизненное и захудалое положеніе нашего церковнаго прихода составляетъ такое больное мѣсто русской жизни, на которое давно уже обращаютъ вниманіе всѣ сознательные православные люди. Каждому невольно бросается въ глаза видимое противорѣчіе между такою неразвитостью приходской жизни и несомнѣннымъ благочестіемъ Русскаго народа.

Г. Папковъ уже нѣсколько лѣтъ заявилъ себя какъ писатель, видимо заинтересованный этимъ ненормальнымъ явленіемъ. Онъ обращался, для уясненія, къ изученію прошлой русской исторіи, къ изученію законодательства, къ изученію современнаго положенія прихода, и работы его въ этихъ отношеніяхъ уже давно обращали на себя вниманіе. Теперь г. А. Папковъ подводитъ итоги своимъ наблюденіямъ и размысленіямъ, выступая въ означенной выше брошюрѣ съ цѣлымъ законопроектомъ о приходскомъ устройствѣ.

Брошюра эта, печатающаяся статьей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ распадается по существу на двѣ части, изъ коихъ первая составляетъ подробную мотивировку необходимости реформировать приходъ, вторая—самый проектъ реформы. Впрочемъ, самъ авторъ твердо стоитъ лишь за первую часть, какъ несомнѣнную, свой же проектъ реформы считаетъ лишь примѣрнымъ.

Этотъ взглядъ г. Папкова совершенно основателенъ. Дѣйствительно, насколько приходскій вопросъ ясенъ въ теоретической формулѣ, настолько же трудно, сложно и спорно его практическое рѣшеніе. Но понятно, что чѣмъ глубже пойметъ наше общество теоретическую сторону вопроса, тѣмъ легче станетъ практическое его осуществленіе. Въ этомъ отношеніи новый трудъ г. Папкова несомнѣнно заслуживаетъ вниманія.

Въ чемъ состоитъ ясная сторона нашего приходскаго вопроса? Въ томъ, что 1) нашъ приходъ совершенно утратилъ свое истинное значеніе первой ячейки Церкви, 2) что это тяжело подрываетъ Церковь вообще.

Первый пунктъ въ брошюрѣ установленъ хорошо. По своему историческому и дѣйствительному смыслу—приходъ есть „Церковь“ не храмъ, а „церковная община“. Г. Папковъ напоминаетъ, чѣмъ была эта церковная община въ первенствующей Церкви, во времена апостольскія. Напрасно было бы возражать, что то была эпоха особой святости. Дѣло не въ одной святости, а въ самыхъ функціяхъ прихода, въ самомъ характерѣ его, какъ цѣлостнаго общества вѣрующихъ, объединеннаго не только богослуженіемъ храмовымъ, но самою жизнью своею, которая точно также должна составлять служеніе Богу. Такой характеръ приходъ сохранилъ и въ Византійскія времена, сохранялъ его и въ древней и Московской Руси.

Обрисовка Византійскаго прихода сдѣлана у автора безъ особенной обстоятельности, но г. Папковъ всетаки основательно указываетъ, что въ Византіи „міряне вовсе не были устранены отъ ностояннаго участія въ церковно-имущественныхъ дѣлахъ и интересахъ, какъ въ этомъ всего болѣе убѣждаетъ

существованіе института ктиторства и широкое приходское самоуправленіе въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи“.

Гораздо подробнѣе авторъ останавливается на обстановкѣ древне-русскаго прихода.

„Приходы устраивались говорить онъ, и церкви строились обществами и отдѣльными людьми.“ Приходскія церкви, построенныя общинами, конечно, съ самаго перваго времени были общинною собственностью. Общины завѣдывали ими чрезъ выборныхъ старостъ, въ позднѣйшее же время приставляли не по одному старостѣ, а по нѣсколькѣ. Не было ничего похожаго на штаты священниковъ. Приходы пользовались неограниченною свободой имѣть столько священниковъ, сколько хотѣли, и сами ихъ содержали. Они сами обязаны были найти преемника умершему священнику. Древнее избирательное право прихода укрѣплено было не только Стоглавымъ Соборомъ, но и „Духовнымъ Регламентомъ“. Иногда прихожане заключали со священниками подробныя условія. Доступъ во священники былъ свободный, во священники поступали и мѣряне, и монахи. Вліяніе прихожанъ въ церковно-имущественныхъ дѣлахъ было весьма сильно, и епископская власть въ этомъ отношеніи ограничивалась лишь сборомъ разной дани и пошлинъ.

Во внутренней жизни прихожанъ проявлялось много силоченности. Она выражалась, между прочимъ, въ „братчинахъ“ составлявшихъ собранія для празднованія разныхъ дней, когда въ складчину устраивались общіе обѣды, служившіе также и для благотворенія. Братчины имѣли также и судебныя права. Собраніе прихожанъ имѣло широкую компетенцію, принимало отчеты старосты, производило выборы старосты и священниковъ. Приходъ завѣдывалъ благотвореніемъ. Кромѣ помощи разнымъ бѣднымъ, старосты производили „суды“ изъ церковной казны (деньгами или хлѣбомъ) вообще нуждающимся, „такъ что церковная казна являлась какъ бы крестьянскимъ банкомъ“. На приходѣ же лежало попеченіе о грамотности, для чего имѣлись и „учительные люди“ или „мастера“. Приходъ былъ для государства „юридическимъ лицомъ“ которое и въ судѣ могло поддерживать свои интересы.

Такимъ образомъ, большую часть своей исторіи Россія прожила съ нормально-поставленнымъ приходомъ, и это именно было время, когда у насъ Церковь занимала выдающееся мѣсто въ жизни, время, когда выработалась глубокая религіозность Русскаго народа, короче говоря, — время, когда идеаломъ народа была „Святая Русь“.

Но времена перемѣнились.

Самымъ тяжелымъ временемъ для жизни нашихъ православныхъ приходовъ, говорить г. Папковъ, без-

спорно слѣдуетъ признать XVIII вѣкъ и первую половину XIX вѣка. „Полное закрѣпленіе крестьянъ и распространеніе среди нихъ раскола, а среди образованныхъ людей, отрѣшенныхъ отъ народа, — распространеніе невѣрія, мистицизма и сектанства, значительно подорвали устои нашей церковности. Наша церковная община потеряла свою жизнеспособность подъ чашливомъ этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Къ числу этихъ обстоятельствъ должно отнести и нѣкоторыя неудачныя правительственныя мѣропріятія.“

Г. Папковъ находитъ, что въ „Духовномъ Регламентѣ“ еще сохранился живительный духъ старины. Но неправильныя толкованія постановленій „Регламента“ Духовнымъ Вѣдомствомъ въ концѣ XVIII вѣка нанесли приходу огромный ущербъ.

Второю неблагоприятною мѣрой г. Папковъ считаетъ отнятіе въ 1808 году у приходовъ экономическихъ суммъ (около 6 милліоновъ). Съ отрицаніемъ правъ собственности приходовъ нарушилось и ихъ самоуправленіе. Въ 1818 году ограничено было право приходовъ на пріобрѣтеніе недвижимости. Наконецъ, выраженіе закона „церковь“ начало толковаться не въ своемъ прямомъ смыслѣ „Церковной общины“, а въ смыслѣ зданія, „храма“, вслѣдствіе чего естественно падали всѣ права прихожанъ.

Съ эпохи Императора Александра II возникало стремленіе къ возрожденію прихода. Голоса многихъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ (кн. Черкасскій, гр. Валувъ, И. С. Аксаковъ, а изъ духовныхъ особенно епископъ Камчатскій Иннокентій, впоследствии митрополитъ Московскій), расшевелили этотъ вопросъ, и въ 1864 году явились законы о братствахъ и церковныхъ попечительствахъ. Но г. Папковъ находитъ, что недостатокъ этихъ законодательныхъ мѣръ состоялъ въ томъ, что „церковная община не была призвана цѣликомъ къ выполненію цѣлаго церковно-приходскаго дѣла, прихожане были устранены отъ контроля надъ церковно-общественными суммами, и хозяйство храма попрежнему было отъ нихъ замкнуто“. Поэтому-то новыя учрежденія и „влачатъ свое вялое существованіе“.

Г. Папковъ посвящаетъ рядъ интересныхъ страницъ критикѣ существующаго церковнаго хозяйства, а точно такъ же рисуетъ весьма привлекательныя картины того, что могло бы явиться при воскресеніи „христіанской общительности“ между пастырями и прихожанами и между самими прихожанами. Онъ говоритъ о „воскресшихъ приходскихъ собраніяхъ“, которыя явятся естественнымъ окончаніемъ воскресныхъ молитвенныхъ соединеній христіанъ въ церквахъ“. На этихъ собраніяхъ должны быть рѣшаемы и дѣла благотворительныя, дѣло катехизаціи дѣтей и ихъ перваго образованія. Къ приходскимъ со-

бравіямъ, такимъ образомъ, можетъ быть приурочена церковно-приходская школа. Наконецъ, кромѣ благотворительности и школы, желательно взаимное братское назиданіе прихожанъ и — „братскій судъ“.

Авторъ замѣчаетъ, что при возрожденіи прихода могло бы возникнуть и много другихъ послѣдствій. Такъ, можно было бы поставить вопросъ объ избраніи священниковъ. Низшая мировая юстиція могла бы быть приурочена къ приходу. Явилось бы болѣе успѣшное воздѣйствіе на раскольниковъ. Явилась бы возможность правильной помощи при неурожаяхъ, пожарахъ и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ. Наконецъ, никто лучше прихода не могъ бы предупреждать разныя волненія въ народѣ.

Таковы перспективы, рисуемые авторомъ.

Для практическаго осуществленія правильной организаціи приходовъ, общій путь указанъ, говоритъ онъ, — устройствомъ приходовъ на Амурѣ (по идеѣ епископа Иннокентія), и еще позднѣе устройствомъ православныхъ приходовъ въ Финляндіи.

Со своей стороны, авторъ предлагаетъ примѣрный полный законопроектъ о приходахъ, котораго нѣтъ надобности излагать, такъ какъ въ немъ лишь систематизированы выводы вытекающіе изъ вышеизложенныхъ разсужденій автора. Можно лишь замѣтить, что, вѣроятно, изъ желанія выдвинуть проектъ наиболѣе практичный и удобопріемлемый, г. Папковъ старается быть по возможности умѣреннымъ и не требуетъ для приходовъ слишкомъ широкихъ правъ.

Такова, въ общемъ, новая работа г. Папкова, заслуживающая серіознаго вниманія всѣхъ интересующихся судьбами Русскаго Православія и русской общественности. Но само собою разумѣется, что обратитъ серіозное вниманіе, — это еще не значитъ безусловно согласиться съ авторомъ во всѣхъ его предположеніяхъ. Напротивъ, проекты г. Папкова грѣшатъ упущеніемъ изъ виду нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ современной русской жизни. Но критика брошюры съ этой точки зрѣнія потребовала бы цѣлаго ряда спеціальныхъ статей.

Новое христіанство безъ Христа *).

Замѣчательное явленіе нашего времени представляеть несущееся отовсюду отрицаніе Церкви со всѣми ея догматами и установленіями, соединенное съ проповѣдью христіанства безъ Христа. Никѣмъ не

признанные учителя разныхъ толковъ, объединяясь лишь въ этомъ отрицаніи, проповѣдуютъ съ ревностью, доходящею до фанатизма и до глумленія надъ всякимъ возраженіемъ, туманное, не приведенное въ систему, но повелительное примѣненіе въ жизни началъ, произвольно извлеченныхъ произвольно истолкованныхъ изъ Евангелія; но вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ Евангеліе во всей его цѣлости и отрицаютъ вмѣстѣ съ Церковью Главу Церкви — Иисуса Христа Богочеловѣка. Они называютъ это свое христіанство истиннымъ, а то, которое отъ начала проповѣдывалось Церковью, ложнымъ.

Въ отрицаніи людямъ всего легче объединиться: ихъ влечетъ къ этому общій духъ недовольства и смутнаго стремленія къ лучшему. Великій, сосредоточась на своемъ „я“, всегда себялюбивомъ, самочинномъ, исключительномъ, отрѣшаясь въ духѣ отъ міра своихъ братьевъ, — приходитъ къ отрицанію. Возмущаясь противъ неправды и зла въ человѣческихъ отношеніяхъ, забываетъ о своей неправдѣ, ищетъ водворенія правды въ человѣчествѣ, забываетъ, что всякій человѣкъ раздвоенъ въ себѣ: хочетъ, чего не дѣлаетъ, и дѣлаетъ, чего не хочетъ, — и что жизнь человѣчества совершается тысячами и милліонами годовъ и впадаетъ въ вѣчность; что тѣмъ же ходомъ идетъ въ человѣчествѣ прерывистая и мучительная эволюція правды, коей вѣчные законы, отъ вѣка начертанные, отъ вѣка нарушаются и подвергаются поруганію. Хранительницей этихъ законовъ, говорятъ они, поставила себя Церковь: она не умѣла водворить ихъ въ дѣйствительности; зданіе ея обветшало, дѣло ея преисполнено мертвыхъ формальностей, суевѣрій, обмановъ и злоупотребленій. Надо разрушить это зданіе и новый законъ любви и правды объявить человечеству: разрушимъ Церковь. Самый легкій способъ усовершенія учреждений, по мнѣнію новаторовъ, есть разрушеніе существующихъ. Съ этого начинаютъ и нео-христіане, но на мѣсто разрушеннаго учрежденія не въ силахъ они построить новое; ставя законъ своего изобрѣтенія, ничего не хотятъ и не умѣютъ создать для храненія и возможнаго въ природѣ человѣческой осуществленія закона, какъ будто самъ законъ долженъ самостоятельно дѣйствовать и самъ собою объединить человечество для новой жизни.

Прежде чѣмъ отрицать Церковь и ея вѣрованія, надобно знать ее. А для того, чтобы знать ее, мало изучить внѣшнимъ образомъ догматы ея, учрежденія и обычаи. Церковь есть живой организмъ, совокупность вѣрующихъ душъ; и для того, чтобы познать Церковь, надобно войти въ душу народа, который составляетъ Церковь, надобно жить одною жизнью съ народомъ, какъ съ равными братьями,

*) Изъ новаго дополнительнаго изданія „Московского Сборника“ К. П. Побѣдоносцева.

не ставя себя выше народа, не относясь къ нему съ однимъ отрицаніемъ, какъ къ толпѣ невѣжественной и дикой. Но къ этому неспособны самочинные пророки нео-христіанства; и потому, когда они обличаютъ пороки и зло и ложь въ жизни церковной, въ этихъ обличеніяхъ нѣтъ любви, а слышится только гордость самодовлѣющей мысли и злоба раздраженія; нѣтъ того пламеннаго стремленія къ исправленію и усовершенствованію, той горячей надежды на побѣду любви и правды, что слышится въ рѣчахъ Христа, а обличенія, исполненные гордаго духа, приводятъ лишь къ голому отрицанію.

Откуда все это? Невольно думается, что идеаломъ нынѣшняго вѣка, конечнымъ пунктомъ прогресса въ человѣчествѣ становится теперь самодовлѣющее „я“, стремящееся въ человѣческомъ образѣ возвыситься надъ человѣчествомъ и самому быть себѣ закономъ. Таковы, повидимому, идеалы новѣйшихъ философскихъ ученій, таковы герои излюбленныхъ романовъ, драмъ и поэмъ въ новѣйшей литературѣ. Идеальнымъ представляется человѣкъ, кто самъ себя ставитъ конечною цѣлью своихъ дѣйствій и на другихъ людей смотреть, какъ на орудіе для своего возвышенія. Быть самимъ собою, слушать только своей воли и своего хотѣнія, ничего и никого не признавать надъ собою, сверхъ себя—таковъ идеалъ человѣка, стремящагося быть сверхъ-человѣкомъ. Подъ эту мысль, въ сущности чудовищно-нелѣпую, иные подкладываютъ въ основаніе другую мысль: всего этого долженъ достигнуть человѣкъ посреди общества для того, чтобы, овладѣть имъ, подчинить его себѣ для его же блага и водворить въ немъ царство любви и братства. Но такого основанія никакая философія признать не можетъ. Что исходитъ изъ эгоизма и на эгоизмъ основано, въ томъ не можетъ быть никакихъ зачатковъ любви и преданности; и тотъ, кто сознательно заключилъ себя въ своемъ „я“, не можетъ сбросить его съ себя и освободиться. Правда, для дѣятельности, посвященной общественному благу, нужны не бездушные, равнодушные и безхарактерные люди, но лица съ характеромъ и совѣстію, и такое лицо всякій, желающій служить обществу, долженъ воспитать въ себѣ. Но и личность, въ нравственномъ смыслѣ, можетъ образоваться и достигнуть развитія не иначе, какъ чрезъ сношеніе человѣка съ подобными себѣ; такъ только человѣкъ можетъ выработать въ себѣ достоинство. Но когда человѣкъ начинаетъ съ того, что, чуждаясь общества, посреди коего живетъ, подвергаетъ его презрѣнію для того, чтобы въ отчужденіи воспитать въ себѣ свое гордое, причудливое „я“ и затѣмъ присвоить себѣ миссію разорить это общество въ конецъ и на мѣсто его создать новое по своему плану,—въ

этомъ нѣтъ никакой мудрости, а одно лишь безуміе.

Тѣмъ не менѣе въ наши дни это безуміе возводится въ идеалъ, художественно изображаемый мыслителями и поэтами. А за ними, не разсуждая, увлекаемая талантомъ, стремится стаднымъ движеніемъ толпа, восхищаясь героями и героинями идеализованнаго эгоизма. Одинъ за другимъ появляются самозванные пророки безумной автономіи мышленія и дѣйствія, пророки анархіи и злодѣйства, пророки новыхъ вѣрованій, отрицающихъ религію. А когда берется за это художникъ мышленія и слова, онъ привлекаетъ къ себѣ толпу поклонниковъ. Многія увлеченія, при внутренней несостоятельности ученія доходящія нерѣдко до энтузіазма, объясняются силою художественной его конструкціи. Когда идея,—какая бы ни была,—овладѣваетъ гениальнымъ художникомъ мышленія и слова, онъ можетъ приложить къ ея развитію всю силу своего таланта и воздвигнуть на ней зданіе, поражающее красотой и стройностью логическихъ выводовъ изъ мысли, въ существѣ своемъ ложной. Но къ распознанію этой основной лжи не способна толпа, увлеченная своимъ восторгомъ. А творецъ-художникъ, увлекаясь и своимъ созданіемъ и восторгами своихъ поклонниковъ, самъ входитъ мало-помалу въ роль пророка, призваннаго обновить человѣчество новою идеей и разсылать во все концы восторженныхъ ея проповѣдниковъ, учениковъ своихъ.

Наше время изобилуетъ ученіями, основанными на началахъ крайняго матеріализма, отрицающаго духовную силу въ жизни человѣчества. Раздѣляясь на множество отдѣльныхъ системъ и толковъ подъ разными названіями (позитивизмъ, натурализмъ, агностицизмъ, утилитаризмъ, крайній социализмъ, анархизмъ и пр.), эти ученія, сложившись въ научно-художественное построеніе, расплодившись въ обширной литературѣ, приобрѣли себѣ множество восторженныхъ поклонниковъ, располагаютъ безконечными средствами пропаганды посредствомъ печатнаго и устнаго слова и мало-по-малу овладѣваютъ умами возрастающаго поколѣнія. Такъ создается почва для невѣрія, для легкомысленной критики на Церковь и легкомысленнаго отъ нея отчужденія.

Но, отойдя отъ своей Церкви, въ коей родились, люди не могутъ отрѣшиться отъ многихъ ощущеній и впечатлѣній своего общества, порожденныхъ и воспитанныхъ вѣками христіанскаго ученія. Опытъ показываетъ, что, гдѣ засохли корни вѣры, тамъ еще остаются корни суевѣрія; повсюду нерѣдко смѣшаннаго съ неглубоко-сидящей вѣрой. Остается какое-то ощущеніе духа въ жизни, какой-то страхъ передъ чертой, отдѣляющей духъ отъ матеріи. Отсюда происходитъ замѣчаемое повсюду въ нашъ вѣкъ,—подобно тому, что происходило въ вѣкъ раз-

ложенія римской языческой культуры, — исканіе какой-нибудь вѣры: съ одной стороны, размноженіе суевѣрій, иногда дикихъ и чудовищныхъ, создающихъ себѣ особый культъ, съ другой — стремленіе найти отвѣтъ на запросы духа въ магометанствѣ и буддизмѣ и, наконецъ, стремленіе создать новую религію на рациональныхъ началахъ, вложивъ въ нее, по внушенію фантазіи, нравственныя правила, взятыя изъ Евангелія, — религію любви подъ названіемъ очищеннаго христіанства. Отрицаясь отъ Церкви, разрушая всякую ограду церковной вѣры и церковнаго единенія, апостолы этихъ ученій хотятъ, вмѣсто Церкви, создать какое-то расплывающееся въ любви всемірное братство мнимыхъ послѣдователей Христа, безъ вѣры во Христа. Осудивъ Церковь, не сумѣвшую въ теченіе вѣковъ осуществить царство Божіе на землѣ, сами они мечтаютъ достигнуть этого своимъ ученіемъ. водворивъ любовь, общее довольство, равенство безъ порока и преступленія; вотъ, проповѣдуютъ они, истинная цѣль нашего ученія: осуществленіе на землѣ царства любви и мира.

Напрасная мечта, напрасная смута умовъ сердець человеческихъ! Религія не можетъ быть безъ вѣры; а это новое мнимое христіанство — въ кого и во что вѣруетъ и на чемъ, кромѣ бѣднаго слова человеческого, утверждаетъ и свои заповѣди и свое мечтательное чаяніе царства любви и правды на землѣ? Это ученіе ходитъ по землѣ и не имѣетъ того, чѣмъ живетъ Церковь Христова, — стремленія къ небу. Въ Церкви это стремленіе не праздно и не мечтательно, потому что имѣетъ живую цѣль, живой образъ Христа Спасителя Богочеловѣка.

Вѣра не можетъ держаться на одномъ ученіи, какъ бы ни было оно чисто и возвышенно, не можетъ держаться и на одномъ собраніи догматовъ. Могутъ они проповѣдывать жизнь, но жизни въ нихъ еще нѣтъ. Жизнь христіанской Церкви — въ лицѣ Христа, Богочеловѣка, въ Коемъ вѣчно-идеальное существо Божества воплотилось и явилось человѣку. Онъ, явившись, овладѣлъ всею душой человѣка и явилъ ему Отца небеснаго. Христіанство безъ Христа быть не можетъ, а завѣтъ Христа не въ томъ состоитъ, чтобы водворить на землѣ царство отъ міра сего, — царство всеобщаго довольства, благополучія и мира: царство Его, не отъ міра сего. Въ существѣ бытія, по закону Его, поставлена радость, но не счастье, не покой, не матеріальное благосостояніе, а съ радостью духа и со служеніемъ ближнему — жертва, ношеніе ига Христова, крестъ, блаженство нищихъ духомъ и плачущихъ, освобожденіе отъ грѣха и жизнь вѣчная. Кто хочетъ изъять все это изъ христіанства, тотъ уничтожаетъ его въ самомъ

корнѣ и лѣстивое мечтаніе гордой мысли воздвигаетъ на мѣсто вѣчной правды Христовой.

Продаются книги Протоіерея А. Ковальницкаго.

1) „Голосъ науки о бытіи Божіемъ“. Переводъ съ франц. Ц. 45 к.

„Вѣрить ли мнѣ въ Бога или не вѣрить?“ Цѣна 35 к.

3) Иисусъ Христосъ — Богъ. Ц. 1 р.

4) „Голосъ Спасителя къ пастырю Христовой церкви. Съ франц. Ц. 45 к.

5) „Мелочи въ обыденной жизни священника.“ Цѣна 70 к.

Отзывы объ этихъ книгахъ напечатаны въ №№ 51 и 52 „Церковныхъ Вѣдом.“ за 1901, а также и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Обращаться въ Петербургскій книжн. маг. И. Л. Тузова. Для обращающихся наложеннымъ платежемъ по адресу: „Варшава. Прага. Протоіерею А. Ковальницкому,“ пересылка бесплатна. Тамъ же продается недавно переведенная имъ съ французск. книга; „Почитаніе креста язычниками, жившими до Рождества Христова.“ Со многими изображеніями крестовъ до христіанскаго времени. Ц. 1 р.

Вышла новая книжка преподавателя Кіевской духовной семинаріи П. Калачинскаго.

„Сельскій пастырь, какъ законоучитель церковно-приходской школы и завѣдующій ею“ Кіевъ, 1902. Ц. 40 коп. Складъ книжки у автора.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ

А. Владковскаго

въ гор. Венгровѣ, Сѣдлецкой губ.

Отливаетъ новые и переливаетъ разбитыя колокола всякаго вѣса.

12—7

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей
Іоаннъ Лотовицъ.